

И сколько будем живы...

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

ДАВНО, в тихом провинциальном музее, я видел снимок, забыть его немислимо.

...Зыбкая предрассветная дымка. Траншеи. Солдаты в походном снаряжении — мундиры серые, как хмурое утреннее, пока еще низкое, небо. Холодные, выжидающие лица. Руки уперлись в землю, как у бегунов перед стартом. Другие держат наизготовку автоматы-«шмайсеры». Глаза офицеров, нацеленные туда, откуда вот-вот вонзится в небеса ракета сигнала. Жерла орудий, обращенные на Восток. Танки с еще открытыми люками. Бинокли, наведенные на границу. Расстегнутые кобуры пистолетов. Поднесенные поближе циферблаты часов. Пакет с боевым приказом в руке полкового, должно быть, командира.

Последние минуты перед атакой. Атакой на страну социализма. Атакой на оплот мира. Атакой, что была началом конца гитлеровского рейха.

Спустя два года Степан Щипачев, солдат гражданской войны, большевик и поэт, написал об этом утре:

Такою все дышало
тишиной,
Что вся земля еще спала,
казалось.
Кто знал, что между
миром и войной
Всего каких-то пять минут
осталось!
Я о другом не пел бы
ни о чем,
А славил бы всю жизнь
свою дорогу,
Когда б армейским
скромным трубачом
Я эти пять минут
трубил тревогу...

Тревогу далеко не везде успели протрубить. Страна притихла за ночь. Только в самом дальнем ее конце уже давно встало солнце.

Неправда, будто человеческая память с годами тускнеет. Она лишь отбрасывает частное, мелкое, несущественное, оставляя суть.

У памяти, однако, свои законы. С кем бы ни довелось мне говорить за сорок лет, все утверждают одно: в тот день повсюду сверкало солнце. Вряд ли так было на самом деле — слишком велика Россия, чтобы во всех ее уголках погода оказалась светлой. Вернее предположить: уж больно черным оказался нам тот день, когда узнали страшную весть.

Полоснула однажды и не дает покоя мысль: восемь часов мы, в тылу, жили мирно, когда была война, еще не знали о ней, радовались веселому солнышку, смеялись, танцевали, а на западе черные танки давили детей, черные самолеты швыряли бомбы на спящие города, пулеметные очереди пришивали к стенам и земле наших солдат, герои Брестской крепости кровью своею (да, так — кровью) писали на стенах: «Прощай, Родина! Умираем, но не сдаемся!».

А мы еще не знали ничего...

Но, как шквал, как ударная волна взрыва, волна войны прокатилась по нашей стране. Было черное небо и черное солнце. Были черные дни и черные ночи.

Были первые сводки Главного командования, а вскоре — Совинформбюро, их стали через несколько дней называть кратко и вроде бы обыденно — сводки: «Наши войска оставили Кольно, Ломжу, Брест». Большинство из нас не знали названий этих местечек — Кольно, Ломжа, не представляли, где они, далеко ли от границы, а теперь помним на всю жизнь. Был ночной галоп рассыльных под окошками: завтрашним солдатам везли повестки. Был непривычно взволнованный голос в репродукторах радио: «Товарищи! Граждане! Братья и сестры! К вам обращаюсь я, друзья мои!» Платят на всех стенах: «Ты записался добровольцем?». И первый воздушный налет на Москву. И ноябрьский парад в осажденной столице...

И были — век того не забыты! — неубранные хлеба под снеговыми наметами, понуренные колосья — зима тогда пала, как на грех, ранняя, а рабочих рук и тягла ох, как не хватало, — и немислимо было глядеть на поникшие колосья, как бы обугленные на белом.

Было прекрасное, словно мраморное, мертвое лицо партизанки Тани на газетной полосе: мы еще не знали, что Таню зовут Зоей Космодемьянской. Были обозы беженцев — старинное слово, забытое и всколыхнутое опять этой войной. Скучные пайки по карточкам. Ленинградская блокада. Вдовий плач в избах и городских квартирах. Голодные беспризорники — опять появились они, запамätованные со времен гражданской войны. Стук самодельных костылей по булыжникам.

Было: приказ о жесткой обороне столицы, начинался он торжественно-старинными словами: «Сим объявляется...». И контрудар под Ельней. И разгром фашистов под Москвой. И был Сталинград — город, где не оставалось ни одного целого здания, но все же борющийся, живой, не сдавшийся город. Был приказ, жестокий и суровый, как сама война, и необходимый, как высшая правда: «Ни шагу назад!». Было Курское сражение и первый салют в столице. Десятки тысяч пленных немцев на площадях и улицах Москвы. Они ее увидели,

пленные, после них по Садовому кольцу медленно шли моченые автомашины, смывая символически и не только символически — смывая грязь...

И было крылатое слово: вперед! И был — чуть ли не с первых дней — лозунг: «Дойдем до Берлина».

И дошли!

Дошли через смерти, голод, через непреходящий ужас отступления, через виселицы, через поруганную честь женщин и девчат наших, через сожженные, спаленные города и деревеньки, через... Словом, через то, чего не довелось испытать никогда и никому за всю многовековую историю человечества.

И увидели гитлеровские знамена, растоптанные под барабанную дробь у подножия Мавзолея.

Я ИСКОЛЕСИЛ всю Россию, такое уж ремесло. И всюду, где бы ни был, видел мемориалы, памятники, надгробья, обелиски... Сколько их, этих памятников, на Руси! И если в малых селеньях — то повсюду одинаковые фамилии, подряд на каждом: уходили целыми семьями, целыми семьями не возвращались. И памятники эти — подчас и самодельные, вовсе не отмеченные художественными качествами, из кирпича под штукатуркой, из местного камня, а то и деревянные, — быть может, возвышеннее монументов, созданных профессиональными художниками, скульпторами...

Статистика, говорят, знает все. Но только ли счетом измеряются потери... Двадцать миллионов — у нас, в Советском Союзе. Пятьдесят миллионов — во всем огромном мире. Столько унесла война, развязанная фашизмом. Сама по себе цифра страшна и невероятна. Однако за нею — и сотни, да, сотни миллионов неродившихся, тех, кому теперь было бы тоже немало, под сорок лет. И сколько нерожденных Пушкиных, Гегелей, Золя, Эйнштейнов полегли, нерожденные, в той войне?

КАЖДЫЙ год в канун кровавого 22 июня «Немецкая волна» талдычит, долдонит одно и то же, заведомо знакомое: дескать, во всем виноват Гитлер, дескать, мы, немцы, потеряли в той войне, и какой ценою мы расплатились за преступления фашизма.

Да, конечно, потеряли.

Да, разумеется, вспоминать о вине тех, кто шел к нам без спросу, кто вторгался, может, и не следует... Нынешние не отвечают за предшественников.

Мы, россияне, очень уж злобный народ. Нам вовсе не свойственны стремления к кровной мести. Мы в Берлине, в начале мая Сорок пятого (пишу с прописной буквы этот год!) кормили немцев, принесших нам неисповедимые страдания. Мы выносили детишек — их, немецких, их, фашистских — из-под огня. Мы никому не собирались мстить. И мстить не будем. Мы — народ отходчивый.

Но мы помним!

Потому что фашистские недобитки, всякие там генералы и полковники дивизий СС, всякие мелкие «фюреры» еще собираются на бесовские шабаши в Западной Германии.

Нет, не месть, не злобность, вовсе не присущая нам, россиянам, говорит сегодня, в сороковую годовщину. Вот что припомнилось: сороковины. По давней нашей традиции — это память о прошлом. Память об ушедших. Умиротворенная память. Не злобная. Не реваншистская, если уж прибегнуть к терминам политическим.

Нет, я не зову к мести. Не злоба, но горечь, не реваншистские страсти, а печаль о павших — в том числе и о павших немцах, ибо многие из них были тоже людьми, — движет мною сейчас.

Но все мое существо, солдатское, человеческое, отцовское, бунтует против фашизма, тогдашнего и теперешнего, против войны, против человекоубийства, против людской несправедливости, даже такой несправедливости, при которой убивают единственного человека, будь то в далеком Сальвадоре, будь то в Чили, будь то в Соединенных Штатах... Человекоубийству нет оправдания. Война противостоит естественна по сути.

Не мы навязывали ту, нашу войну. Мы ее выиграли. Мы ее озаменовали победой. Слишком дорогой ценой досталась победа.

И сегодня, когда нашей войне — священной, Отечественной, невероятной и героической — сорок лет, не могу не думать о том, что было сорок лет назад, не могу, как и всякий, кому довелось это пережить.

Мы склоним головы в этот день, в тот, который был страшен и горек для нас, тот, который привел нас к победе. К Победе!

Спасибо вам, павшие... Спасибо вам, неизвестные. Спасибо вам, солдаты наши. Мы помним! И сколько будем живы — будем помнить. И внукам, и правнукам, и потомкам завещаю — помнить.

Но мы помним и другое: фашизм, нелюдь, нечисть. И ненависть наша к человекоубийству, к фашизму, к нечисти — тоже неиссякаема и неисчерпаема, и ее передадим внукам и правнукам нашим.

Мы помним!